

Изъ записокъ 1877—78 г.г. ¹⁾.

Днемъ 7-го февраля мы вышли берегомъ Буюкъ-Дере и направились въ открытое море, которое всѣ 2¹/₂ сутокъ нашего путешествія почти безъ устали бушевало;— въ февралѣ и въ мартѣ иначе и не бываетъ, пояснилъ намъ капитанъ.

Послѣ дорогого вниманія, которымъ мы были окружены въ пути, послѣ прекраснаго довольствія и полной чаши во всемъ,— наступилъ полдень 10-го числа, когда мы, приставши къ пристани въ Трепизондѣ, должны были разстаться съ достойнѣйшимъ капитаномъ.

Чтобы дополнить картину его безконечнаго вниманія къ намъ, нужно упомянуть о томъ, что, встрѣтившій насъ на Трепизондской пристани среди многотысячной толпы народа итальянскій консулъ Рива, давая разныя поясненія, сказалъ: съ послѣдней вашей остановки на берегу Чернаго моря изъ Херасунда капитанъ, посылая намъ телеграмму, просилъ между прочимъ непременно пригласить съ собой доктора для встрѣчи, такъ какъ старшій представитель великокняжеской миссии сильно заболѣлъ. Сильно заболѣлъ, нельзя было сказать, но дѣйствительно въ послѣднюю ночь, послѣ выхода изъ каюты на палубу, въ разбушевавшуюся погоду, я нѣсколько простудился,—меня сильно знобило и лихорадило, такъ какъ при сильной зубной боли развился очень болѣзненный флюсъ. Такое вниманіе капитана рѣшительно поразило насъ всѣхъ.

На пристани въ Трепизондѣ капитанъ собралъ массу извѣстныхъ ему рабочихъ; благодаря этому намъ, до наступленія

¹⁾ См. „Русская Старина“, июнь 1915 г.

сумерекъ, удалось извлечь коней изъ трюмовъ, достать вьюки, багажъ, и мы во-время добрались пѣшкомъ до дома русскаго консульства, въ которомъ Рива отвелъ намъ квартиру.

Докторъ итальянскаго консульства Атанасіу приложилъ большое стараніе къ тому, чтобы уходъ за моимъ флюсомъ возможно скорѣе привелъ къ облегченію болѣзни; благодаря его заботамъ, къ вечеру другого дня громадный нарывъ, надутый разными спеціями восточной аптечной кухни, лопнулъ, и такимъ образомъ я получилъ возможность представиться 12-го числа днемъ мѣстному вали (губернатору)—Юсуфу-пашѣ, который, по словамъ консула, очень много и видимо съ большимъ интересомъ разспрашивалъ его въ мельчайшихъ подробностяхъ объ насъ, о цѣли нашей командировки и проч., и проч.

По виду своему Юсуфъ представлялъ собою нѣчто похожее на грубое животное, хотя и старался казаться инымъ и не былъ такимъ; онъ сидѣлъ все время на низкомъ диванѣ, поджавши подъ себя ноги, не переставая густо дымить кальянъ; однако насъ усиленно угощалъ турецкимъ кофе и папиросами; это онъ дѣлалъ очень старательно, благодаря тому, что, какъ объяснилъ Рива, на него чрезвычайное впечатлѣніе произвелъ князь Уцміевъ, владѣвшій въ совершенствѣ „ученымъ“ турецкимъ языкомъ.

— Вотъ, сказалъ Юсуфъ, случается же такъ, что мусульманинъ, владѣтельный князь,—ханъ Карабахскій, „магометански образованный“; чудно говоритъ, вѣроятно, также чудно думаетъ, а служить гяурамъ, служить русскому Царю.

Узнавъ, что Уцміевъ ѣдетъ по назначенію великаго князя отдѣльно отъ насъ дальше въ Батумъ, Юсуфъ-паша сказалъ:

— Ну, пусть, пусть онъ ѣдетъ туда, это хорошо, тамъ его займетъ Дервишъ-паша, онъ у насъ самъ ученый, найдетъ о чемъ поговорить съ юнымъ карабахскимъ князькомъ.

При первомъ же нашемъ визитѣ Юсуфъ-паша намъ сообщилъ, что отъ принца Рейса имѣется предупредительное уведомленіе—не выпускать насъ изъ Трепизонда до тѣхъ поръ, пока отъ сераскиріата не получатся на насъ всѣ документы; а затѣмъ, когда онъ, принцъ Рейсъ, дастъ телеграмму объ отпращиваніи, тогда назначить намъ хорошій конвой изъ 12-ти человекъ заптievъ подъ начальствомъ хорошаго, надежнаго штабъ-офицера и оказать во всемъ полное содѣйствіе къ обезпеченію намъ совершенной безопасности въ походѣ на Эрзерумъ.

Затѣмъ при насъ же Юсуфъ-паша обратился къ какому-то чину въ фескѣ и видимо постарался сказать такъ, чтобы князю

Уцміеву было все ясно слышно: какъ лицу, которое, понимая турецкій языкъ, могло намъ все сказанное передать въ переводѣ:—сейчасъ же надо вызвать въ Трепизондъ Гассана, сказалъ онъ, сообщите ему мое требованіе,—явится ко мнѣ, я самъ передамъ ему приказаніе съ наставленіями о томъ, что онъ будетъ обязанъ сопровождать урусовъ (русскихъ); дѣло это требуетъ особаго вниманія и ему совершенно особо ввѣряется.—Все это насъ немало мирило съ личностью принца Рейса.

На другой день мы еще спали, когда явилась къ намъ феска съ увѣдомленіемъ о прибытіи Гассана и о желаніи его представиться намъ.

Гассанъ занималъ мѣсто начальника заптіевъ Трепизондскаго вилаета и имѣлъ чинъ маіора, при чемъ его въ служебномъ обиходѣ именовали Гассанъ-бей; онъ былъ въ непосредственномъ подчиненіи вали (губернатора) Юсуфъ-паши и каждый разъ, когда являлась надобность командированія куда-либо по болѣе выдающемуся случаю, жандармскаго штабъ-офицера, обыкновенно губернаторы, т. е. и Юсуфъ-паша и его предмѣстники пользовались для этого Гассаномъ, какъ человѣкомъ развитымъ, энергичнымъ, а главное вѣрнымъ служакой, на котораго можно было вполне положиться рѣшительно во всемъ, требующемъ правды, силы, настойчивости и добросовѣстности.

Его положеніе вообще оказалось около насъ съ первыхъ шаговъ крайне нелегкимъ, такъ какъ то, что вызывается первымъ впечатлѣніемъ вообще, было далеко не на его сторонѣ и, если бы консулъ Рива не взялся, отъ себя и отъ имени Юсуфа-паши, его энергично передъ нами поддержать, неизвѣстно, что изъ этого вышло бы; правда, и явившійся къ намъ, съ желаніемъ стать Гассану поперекъ дороги, проситель невольно возвысилъ его положеніе.

Прибывъ въ Трепизондъ и помѣстившись на житъе, согласно распоряженія вѣдавшаго дѣла русскихъ подданныхъ, итальянскаго консула Рива, въ пустовавшемъ домѣ русскаго консульства, мы оказались переданными французомъ капитаномъ парохода „Илиусъ“ какъ бы изъ рукъ въ руки на заботливое попеченіе этого консула.—Молодой, энергичный итальянецъ, оставивъ на другомъ концѣ города въ домѣ итальянскаго консульства свою семью, состоявшую изъ жены и шестерыхъ, родившихся въ теченіе трехъ лѣтъ по двойнѣ, дѣтей,—самъ занялъ у насъ въ нижнемъ этажѣ одну тѣсную комнату и остался проживать при насъ для того, чтобы быть всегда на

чеку и наготовѣ оказать намъ въ чемъ понадобится помощь, содѣйствіе и показать на каждомъ шагу заботливость и вниманіе, а также имѣть возможность во-время предупредить наши желанія и нашу въ чемъ бы то ни было нужду.

Восемь дней всего провели мы въ Трепизондѣ и прожили возлѣ заботливости этого, дотолѣ невѣдомаго намъ, человѣка; покидая же этотъ городъ, мы оставляли въ немъ что-то дорогое, съ чѣмъ не только свыклись, но какъ будто бы сроднились.

Всѣ приготовленія къ предстоявшему намъ путешествію на Эрзерумъ, а также хлопоты и ходатайства по нашимъ дѣламъ онъ умудрился взять до мельчайшихъ подробностей на себя, и надо было поражаться, какъ могъ онъ во всемъ поспѣвать, ничего не упуская и во всемъ тонко показывая ту заботливость, которая прямо изобличала,—на сколько этому, чужому для насъ человѣку, мы сразу стали своими и насколько все, касавшееся насъ, онъ принималъ близко къ сердцу, какъ будто что-то свое, родное.

Маленькая завѣса секрета этой всей привязанности открывалась въ томъ, что онъ былъ женатъ на русской: года за три до этого времени, онъ высмотрѣлъ себѣ невѣсту въ лицѣ дочери русскаго консула одного изъ городовъ юга Италіи; увлеченный пыломъ любви и привязанности къ молодой, въ высокой степени образованной женщинѣ-красавицѣ, ставшей подругой его жизни, этотъ сынъ юга всецѣло, по его словамъ, приникъ чувствами своими къ ея далекой сѣверной родинѣ, а также беззавѣтно полюбилъ все, что касалось этой холодной страны, и рѣшительно все, что только могло ему представлять ее, напоминать объ ней.

Е. К. Андреевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

